

Министерство печати попросило меня написать для журнала «Волга – XXI век» очерк о фронтовике, поэте Михаиле Степановиче Сергееве. Дел этой зимой скопилось как никогда, но ветераны Великой Отечественной войны – это святое! Созвонился с героем войны и героем моего будущего очерка накануне Нового года, спросил, устроит ли его, если я приду сразу же после 1 января. Михаил Степанович согласился, и утром 2 января я был у него в квартире. Не успели мы обменяться новогодними приветствиями и едва присели к столу, чтобы начать беседу, как в двери позвонили. Хозяин квартиры встретил гостя и представил его мне как своего соседа, назвав дядей Сашей. Видимо, у того такое прозвище было, потому что он гораз-

до моложе Сергеева, которому идёт восемьдесят восьмой год. Дядя Саша достал из сумки две бутылки – шампанское и коньяк. Из разговора я понял, что угощение купил дядя Саша по просьбе Михаила Степановича, тот таким образом решил встретить посланца министерства печати. Я сразу же сказал, что со спиртным не дружу, а если они хотят отметить праздник – я в гостях и не могу устанавливать свои правила. Дядя Саша тут же ушёл, а Михаил Степанович сказал, что и он не пьёт. «Давно?» – полюбопытствовал я, а Сергеев назвал приблизительную дату, когда решил ввести для себя «сухой закон»: «Да ещё товарищ Сталин был жив!» Мне захотелось узнать, как Михаил Степанович пришёл к такому решению и как прожил почти шесть десятилетий с трезвым взглядом на мир. И мой собеседник не без удовольствия вспомнил былые годы.

«А КРУГОМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЖИЗНЬ!»

Ещё на фронте приучили его к боевым стаграммам. На передовую командир пулемётного взвода (учился в саратовском пехотном училище) попал в самый разгар Сталинградской битвы, довелось хлебнуть лиха, о чём он так проникновенно написал в поэме «Окопная быль»: «Перед нами рубеж на исходе. Я проверил на крепкость свой штык. Как учили когда-то в походах, мы стеною пошли, напрямик... Дрогнул враг!.. И ура раскатилось по степному настилу Войны... Кровь со стали гранёной струилась, хруст тяжёлый оставил следы...Ох ты, доля царицы-пехоты! – растерять кирзачища ад. То под чёрным дождём, то в болотах, то на лютом морозе работа, и повсюду до ссадин, до пота – под смертельный осколочный град. На дорогах колёсных и санных, может, месяц – не станем считать! – не видала пехотушка бани – надо было вразмах наступать! И такое в пути испытали: из прозябшей конины с душком шашлык со штыков мы жевали аппетитно над робким костром. С хлебом тоже заминка бывала – не видать живота под ремнём!.. Как колюч этот хлеб на привалах: заморожен осенним огнём. Сладок был этот хлебец Отчизны для защиты твоей, Сталинград. Кровь из дёсен сочилась, а грызли жгучий хлеб генерал и солдат...»

Свой последний бой комвзвода Сергеев провёл на берегу реки Мышково, у села Васильевки. «Как будто солнце от меня упало, и мне от боли стало невтерпёж...», – отчеканит позднее поэт Сергеев строки о своём последнем мгновении в той атаке, где снайперская пуля вошла в грудь и навывлет вышла из спины.

Несколько месяцев лечился в госпиталях, едва не умер от заражения крови, но Бог миловал, а врачи вынесли свой вердикт: инвалид третьей группы. Вернулся в родную Князевку Турковского района к деду и бабке (родители стали жертвами раскулачивания), хотел, отдохнув с дороги, восстать в техникуме, да председатель колхоза уговорил по временить, окрепнуть, предложив заведование складом. На хлебной должности завсклада склонность к спиртному окрепла, и уж совсем увлекла, когда он после войны окончил бухгалтерские курсы в Балашове и стал работать по специальности, зарабатывая неплохо, денежки водились. Пошёл на повышение, возглавив во вновь образованной Балашовской области КРУ – контрольно-ревизионное управление. Однажды в очередной командировке в Аркадак, после ревизионной проверки, как водится, устроили застолье с обильными возлияниями. Ночевал он на квартире у

фельдшерицы, та предупредила его: «Вам пить нельзя, у вас с сердцем не всё в порядке, надо обязательно показаться врачу». Не внял. Наутро с местным начальством похмелялся, и после очередной рюмки страшная боль заставила вспомнить ту снайперскую пулю, будто она снова впи-лась в грудь.

Обширнейший инфаркт. Между жизнью и смертью взмолился, думая о детях (недавно женился, в семье росли две дочери-малышки): «Господи! Оставь мне жизнь молодую! Больше не притронусь к этой заразе!»

Шесть раз ездил на курорт, лечил сердце. А клятву свою сдержал, что весьма пригодилось ему в дальнейшей работе. Окончил в Москве экономический институт, служил на таких должностях, как главный бухгалтер тамбовского «Элеваторстроя», балашовского треста «Балашовоблстрой», саратовского «Химтяжстрой» (это уже во времена совнархозов), возглавлял КРУ «Саратовоблсельхозтехники», затем назначили его главным экономическим экспертом ОБХСС Саратовской области. Его трезвость ставила в тупик тех, кто привык, хорошему угостив проверяющего, склонить его к тому, чтобы он закрыл глаза на неприятности в их ведомстве, не так рьяно копал. С Михаилом Степановичем этот номер не проходил: ревизором он был неподкупным, а экономическим экспертом – знающим, умеющим распутывать хитроумные ходы всяких дельцов, разрабатывающих схемы хищения общенародной собственности. Не один миллион вернул Сергеев в казну государства, нажив себе немало врагов.

Появился у него недоброжелатель и в «сером» доме. Почему? Потому что слишком рано, ещё в 1970-е годы, заговорил он в полный голос о том, о чём шептались на кухнях и о чём сразу же стали писать разоблачительные статьи в конце 1980-х, когда стало модным ругать всё советское. В 1970-х годах Михаил Степанович написал роман «Чёрная паутина» – о сталинских репрессиях, о раскулачивании, положив в основу свою семейную трагедию. Даже имена героев не изменил, немного подправив фамилию: Степан Серёгин гибнет в засадах ГУЛАГа, его жена Арина пытается спасти мужа, доходит до Всесоюзного старосты Калинина, но вместо помощи находит смерть в тюрьме.

С этим романом Сергеев обивает пороги издательства, журнала «Волга». Не то что публиковать – читать обжигающие строки правды фронтовика редакторам было страшно. Вест о крамольном произведении доходит до чекистов, они рукопись изымают, автора же по традиции тех лет пытаются объявить су-

масшедшим. Но нашлись честные врачи и на Алтынке, и на Тулупной, которые не побоялись в истории болезни написать, что никакой болезни и нет. «Диагноз» подтвердили и в институте им. Сербского, куда дотошные гебисты возили неудобного писателя.

«Чёрную паутину» Сергеев сумел издать в 1990-х годах на свои средства. Второе издание вышло в 2000 году уже в государственном издательстве «Детская книга». Михаил Степанович жалеет, что и в то, и в другое издание не вошло сто шестьдесят страниц машинописного текста, которые редакторы сочли «лишними», а ведь в них – завязка романа, описание братоубийственной войны, вошедшей в учебники истории как Антоновщина – восстание обогранных до нитки тамбовских и саратовских крестьян против «родной» Советской власти.

Перестройку он встретил на должности экономического эксперта ОБХСС. Казалось бы, пришло его время: правда торжествовала, и он должен был, со своей честностью и неподкупностью, на коне. Но на коне он был только на Пегасе, доверяя поэтическим строкам свои мысли и чувства, ничего не утаивая. В служебной же деятельности и во время гласности правда должна быть дозированной, как ему указали, когда он раскопал дело о хищении 14 миллионов высокопоставленными областными чиновниками. Они построили себе дачи за государственный счёт, а на предложение ревизора Сергеева оплатить, тогда он закрывает дело, сначала смеялся, а когда увидели, что фронтовик готов идти до конца, пытались подкупить, убедившись, что и это не работает, стали запугивать. И он испугался. Не за себя. В деле были задействованы с десяток следователей, и всем им угрожали. На совещании, взвесив все за и против, решили, что плетью обуха не перешибёшь, и «дело о хищении 14 миллионов» вывезли за город и сожгли.

Смену общественной формации Сергеев встретил пенсионером, так и не смирившись с тем, что страну, которую он защищал под Сталинградом, в мгновение ока разрушили росчерком трёх перьев в Беложевской пуще. Как экономист, он утверждает, что сегодня у нас никакой не капитализм, поскольку реформаторы «размели научный подход ценообразования, установив базарный произвол с ценообразованием «сколько хочу – столько и деру»... путём обмана и лжи, полного спекулятивного грабежа продавцами-перекупщиками» (из письма президенту Путину, опубликованному в сборнике стихотворений и

статей «Звёзды я захваливать не стану»).

Кавалер орденов Отечественной войны I степени и Красной Звезды продолжает свой бой за Отчизну, за правду, как он её понимает. Сражается за письменным столом. Михаил Степанович Сергеев – член союза писателей России, автор книг «Любовь остаётся любовью», «Живи и помни», «Солдатская память», «Краски жизни», «Мамы», «Всё смешалось в просторах вселенной». Последняя вышла совсем недавно, накануне 2011 года. Она полна горьких строк о том, что довелось дожить и увидеть унижение родной страны («Мой русский брат, скажи открыто, скажи всю правду, не таясь, тобой ведь родина забыта за жвачку Джона, пепси-квас»), но всё же верит ветеран, что это не навсегда, опомнятся Иваны, родства не помнящие («в тебе всё чуждое гнездится, ты стал безродным чужаком»), вспоминают, как «отцы и деды шли в походы, чтоб Русь родную отстоять, спасли они и все народы, сумели крепко постоять», вспоминают и пересылают свою немощь, чтоб постоять, как отцы и деды, «за честь великую, былую, за все раздолбные края, за землю Русскую святую, где шепчут часто тополя».

Поэт остаётся оптимистом несмотря ни на что: ни на экономические невзгоды, ни на политические страсти, ни на боль своих старых фронтовых ран. Он завещает потомкам верить в мечту в одноимённом стихотворении: «Под выжженный свист плывут века, гремят, звонят годов цепочки... На зимних ветках спят пока весны грядущей нашей почки. Как ни свирепы холода, родник тепла на свет пробьётся, и жизнь листвою добра тогда из вешних почек развернётся».

Подводя итоги в стихотворении «В конце лета», Михаил Степанович надеется, что эстафету поколения фронтовиков с честью пронесут дальше внуки победителей, иначе будет предана память тех, у кого «была одна забота – сражаться насмерть у реки»: «Предосенние кончились грозы, соловей за моря улетел, и стоит сиротинкой берёза, на которой когда-то он пел. Ой ты, счастье моё молодое, ведь не скажешь тебе – задержись! Не воротится время былое... А кругом не кончается жизнь!»

Не кончается жизнь, и мне остаётся пожелать своему земляку – чеканщику слов – успеть запечатлеть всё то, чем полнится душа поэта: «Волжский ветер! Размахнись пошире, в дальний край мой голос унеси! – чтоб со мной запели всюду в мире песни, что поются на Руси!»

Владимир ВАРДУГИН
На снимке: М.С. Сергеев, январь 2011 года

Помощник министра здравоохранения Российской Федерации Софья Малявина объявила о том, что Минздрав будет делать свой собственный законопроект. «В первом квартале 2011 года мы внесём в Госдуму законопроект, который строжайше запрещает курение в общественных местах, – говорит Софья Малявина. – Мы не сомневаемся, что он будет принят. И тогда нельзя будет курить ни на стадионах, ни в парках, ни в скверах, ни в точках общепита. Надеемся, что благодаря новому закону исчезнут комнаты-курилки, которые есть сегодня во многих административных, образовательных и социальных учреждениях. Кроме этого будет подготовлен ещё ряд законопроектов, ужесточающих борьбу с курением. Но мы будем идти в этом направлении постепенно, чтобы не вызвать у общества шок. В целом же все новшества будут вводить в нашу жизнь нормы, которые давно приняты в европейских странах. К примеру, запрет на курение рядом с входами в здания».

<http://pda.mk.ru/economics/article/2010/12/14/552015-tabachok-vroz.html>

ОСТРОВК БЕЗ ТАБАКА

Какое первое ощущение у наших земляков, выходящих по утрам на работу и перешагивающих порог собственной квартиры? Если брать аспект обонятельный, то – неприятный смрад от табачного дыма, заполняющий подъезд. Дымовая завеса не развеивается и на улице, и на автобусной остановке. Кажется, что скрыться некуда от этой табачной агрессии. Ну хоть бы отыскать маленький островок без никотинового смога!

Недавно я, редактируя книгу «Золотая середина» (должна выйти осенью 2011 года, к 75-летию Фрунзенского района), отыскал такой благодатный уголок Саратова, прочитав интервью журналиста В.В. Акишина с директором Крытого рынка Михаилом Александровичем Макеенко. На вопрос: «А какое самое яркое впечатление у вас от Крытого рынка?» Михаил Александрович ответил: «Когда я пришёл сюда работать в 1992 году и впервые вышел в зал, меня поразил гул рынка и сизый табачный дым над торговыми рядами. Курили все – и продавцы, и покупатели. Так было принято. А раз курят, значит, бросают окурки под ноги, несмотря на урны. И убирай не убирай, ощущения чистоты не остаётся. И я тогда решил: курение в торговом зале надо искоренить. Мне тогда все сказали в один голос: это невозможно. Прошло двадцать лет, и сегодня даже представить трудно, что кто-то пройдёт по Крытому рынку с зажжённой сигаретой или продавец встретит покупателя из-за прилавка струёй табачного дыма. Другое явление двадцатилетней давности – весь Крытый изнутри был оклеен всевозможными объявлениями, прямо по стенам. Решили твёрдо избавиться и от этого безобразия. Скептиков было достаточно. Смогли! Теперь чистота практически идеальная. Мне приятно, что к нам приходят с радостью и с удовольствием».

Прочитав эти строки, я тут же отправился в Крытый рынок, чтобы удостовериться, что Макеенко удалось казальное бы невозможное: победить «сизого змия» на своей территории. И я не только убедился в верности сказанных слов, но и обнаружил, что во всех торговых точках внутри Крытого рынка не продают сигарет. Даже в единственном небольшом водочном магазинчике нет в продаже табачных изделий. Когда же, не веря своим глазам, спросил у продавца сырами: «А где тут у вас сигареты продаются?», то встретил удивлённый взгляд и получил совет выйти из рынка и поискать табачный товар в другом месте.

Можно же ведь устроить свой дом без навязанного обществу табачного рабства!

Владимир ВАРДУГИН
На снимке Геннадия Савкина: в свободном от табачного дыма помещении хорошо видны даже последние ряды, а ведь длина Крытого рынка – сто сорок четыре метра.